

Глава 8

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЕВРЕЙСКОГО АНТИФАШИСТСКОГО КОМИТЕТА

Я русский воин, я еврей...
А. Вергелис¹

Пребудет, цельности обманной вопреки,
Мой облик искажен мозаикой разлома.
П. Маркиш²

В начале 1940 года ССП пополнился поэтами и прозаиками, писавшими на языке идиш. На заседании президиума, состоявшемся 27 января, членами союза стали детская поэтесса Двойра Хорол, племянница Бергельсона и жена еврейского историка и литературоведа Абрама Юдицкого, прозаик Яков Ривес, поэт и драматург Яков Зельдин, а также три биробиджанских автора: Эммануил Казакевич, Арон Вергелис и Бузи Миллер. Месяц спустя, 27 февраля, членом ССП стала поэтесса Шифра Холоденко, сестра Давида Гофштейна³. Из трех биробиджанцев к тому времени только Миллер оставался в Еврейской автономной области. Казакевич, подававший большие надежды еврейский поэт и драматург, перебрался в Москву, где 31 марта 1938 года бюро МОЕСП предложило его кандидатуру для вступления в ССП, несмотря на то что 1 ноября 1937 года биробиджанский горком отменил решение о приеме Казакевича в кандидаты в члены партии, так как все три коммуниста, давших ему рекомендацию, к тому времени оказались врагами народа, и над ним тоже нависла угроза ареста⁴. Не исключено, что закрепиться

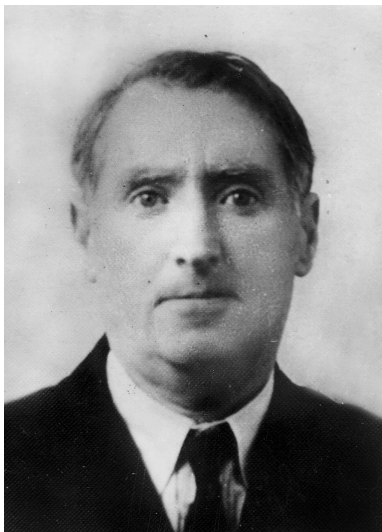
---

¹ Из поэмы А. Вергелиса «Песнь о герое» — см.: *На берегах Биры и Биджана*. Хабаровск, 1972. С. 151.

² Из стихотворения П. Маркиша «Осколки» — см.: *Маркиш П. Стихотворения и поэмы*. М., 1969. С. 209.

³ Новые члены союза писателей // *Литературная газета*. 1940. 30 янв.; Прием в члены союза писателей // *Литературная газета*. 1940. 1 марта.

⁴ Об отмене решения бюро Биробиджанского ГК ВКП(б) о приеме в кандидаты партии тов. Казакевича Э. Г.: протокол заседания бюро Обкома ВКП(б) ЕАО

Яков Ривес

в Москве ему помог Фадеев, познакомившийся с Казакевичами осенью 1934 года, когда он вместе с Петром Павленко, детским писателем Рувимом Фаерманом и венгерским поэтом Анталом Гидашем побывал в Биробиджане⁵.

Вергелис, чьи школьные годы прошли в Биробиджане, в начале 1940 года учился на последнем курсе МГПИ. В 1936 году он был зачислен без экзаменов на отделение еврейского языка и литературы, но в 1938 году, когда система еврейского образования была почти полностью разрушена, закрыто было и отделение еврейского языка

и литературы МГПИ, поэтому завершать свое обучение ему пришлось на факультете языка и литературы по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Жил он в общежитии МГПИ, и в его комнате первые недели после переезда, больше похожего на бегство, нашел себе пристанище Казакевич. В августе 1940 года Вергелиса призвали в армию для прохождения срочной службы, и в литературную среду он вернулся только после окончания войны⁶. А Казакевич стал москвичом, работал в издательстве «Дер эмес» и жил, как почти все москвичи, в коммунальной квартире. Жена друга Казакевича, редактора и пере-

ДВК от 01.11.1937 N 23. <http://bounb.eao.ru/files/kazakevich/html/activity.html>; Материалы и переписка по еврейской литературе, 1938 (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 251. Л. 7).

⁵ Чернис Я. В таежном краю // Воспоминания о Эм. Казакевиче. М., 1984. С. 69–71.

⁶ Куповецкий М. Последний советский нацкадр Арон Вергелис: основные этапы социализации до конца 1948 г. // Идиш: язык и культура в Советском Союзе / ред. Л. Кацис, М. Каспина, Д. Фишман. М., 2009. С. 60–78.

водчика Наума (Нохима) Левина, вспоминала, что после их женитьбы (примерно в 1936 году) у них

начались переезды с квартиры в квартиру. Сначала поселились у писателя Хашина — он впоследствии погиб в заключении, а тогда только что [на самом деле, уже несколько лет спустя. — Г. Э.] вернулся из-за границы, преуспевал. Немного у него пожили и переехали на Вторую Мещанскую — нас к себе пустили Эмма Казакевич и его жена Галя. Нохим с Эммой дружили, вместе работали в «Дер эмес», сидели в одном кабинете. Нохим заведовал отделом прозы, а Эмма — отделом поэзии. Две молодые пары в одной комнате. Ну, мы, правда, недолго их стесняли. Нохим узнал, что семья писателя Рабина куда-то [в Биробиджан. — Г. Э.] уехала на два года, похлопотал в издательстве, и нам их комнату на эти два года отдали. Тоже на Трубной, ближе к Сретенке. Комната запущенная, грязная, вся в клопах. Я тут же затеяла ремонт. <...>

Проходит месяц — и вдруг Рабина арестовывают в том городе, куда он уехал. Жена его с девочкой возвращаются в Москву, а нам куда деваться? Попробуй найти новую комнату. И потом, мы заплатили за два года вперед. Пришлось эту перегородить на две части с помощью пианино. Отношения создались тяжелые. <...>

Наконец мы заняли денег, у кого могли, и за двенадцать тысяч купили верхний этаж дачи в Битцах⁷.

Проблемы быта и даже аресты, ставшие частью будничной жизни, не мешали отмечать юбилеи классиков еврейской литературы И. И. Линецкого и И. Л. Переца⁸ и современных писателей. Для чествования Бергельсона по случаю 30-летия литературной деятельности была создана комиссия под председательством Всеволода Иванова (после посмертной реабилитации Бергельсона он же возглавит комиссию, занимавшуюся его литературным наследием). Вечера, посвященные юбилею

---

⁷ Кульнева С. Сорэлэ // Звезда. 1991. № 12. С. 87.

⁸ Столетие рождения И. И. Линецкого // Литературная газета. 1939. 1 дек.; К 25-летию со дня смерти И. Л. Переца // Литературная газета. 1940. 26 янв.; Юбилей Переца // Литературная газета. 1941. 19 янв.

Бергельсона, прошли в Клубе писателей (так с 1938 года назывался Дом советского писателя; с 1948 года — Центральный дом литераторов), Политехническом музее, клубе «Коммунист», Центральном доме журналиста и ГОСЕТе⁹. В 1940 году отдельным изданием в библиотеке журнала «Огонек» вышел русский перевод рассказа Бергельсона «У бронепоезда», а в 1941 году Гослитиздат напечатал его ранний роман, первый русский перевод которого вышел в Берлине в 1923 году под названием «Когда все кончилось». Автор перевода Софья Дубнова-Эрлих была дочерью еврейского историка Семена Дубнова и женой одного из лидеров польского Бунда Хенриха Эрлиха, сидевшего в советских застенках с октября 1939 года. Для советского издания новый перевод подготовила по подстрочнику поэтесса Елена Благинина, много переводившая Льва Квитко. Это русское издание получило название «Миреле» по имени главной героини, которую зачастую сравнивали с флореровской мадам Бовари. Прозаик и литературовед Лидия Либединская вспоминала об этой книге: «Это философский роман, и мы, тогда еще очень молодые и даже не знавшие имен Бердяева, Федорова, Ильина и других философов XX века, находили в нем то, что так необходимо молодости: серьезный и глубокий анализ исторических событий, размышления о чести и достоинстве человека»¹⁰.

Накануне войны выходили русские переводы произведений и других еврейских писателей. Так, московские издательства выпустили несколько книг русских переводов поэзии и драматургии Маркиша. В 1940 году издательство «Искусство» опубликовало драматическую поэму Самуила Галкина «Бар-Кохба», написанную после того, как Лазарь Каганович дал указание ГОСЕТу изменить характер репертуара, включить в него историко-героические пьесы. Перевод поэмы выполнил по подстрочнику ветеран комсомольской поэзии Александр Безыменский. Стихотворение Льва Квитко «Письмо Ворошилову» в переводе

---

⁹ Тридцать лет литературной деятельности Д. Бергельсона // Литературная газета. 1940. 5 мар.; С. И. Юбилей Д. Бергельсона // Литературная газета. 1940. 26 апр.

¹⁰ Либединская Л. Зеленая лампа. М., 2013. С. 311. Перевод С. Дубновой-Эрлих был переиздан в 2013 году московским издательством «Текст» с послесловием М. Крутикова.

Самуила Маршака издавалось огромными тиражами, дети декламировали и пели (на музыку П. Акуленко):

Товарищ Ворошилов, а если на войне
Погибнет брат мой милый — пиши скорее мне!
Нарком Ворошилов, я быстро подрасту
И встану вместо брата с винтовкой на посту¹¹.

Казалось бы, писатели должны были быть довольны своей судьбой, но стенограмма заседания еврейской секции 13 февраля 1941 года рисует иную картину. Председательствовал на том заседании Петр Скосырев, возглавлявший Бюро национальных комиссий ССП. «Оторванность» стала ключевым словом в выступлениях Маркиша, Кушнирова и Добрушина:

Маркиш:

Если вы спросите наших товарищей, обижены ли они, они скажут: «Да, обижены». Почему? Потому, что вся работа союза проходит мимо нас. Вы не видите, что рядом растет такой хороший, такой добротный сосед. Здесь искусственно создано слово «кроме». Я думаю, что инициатива должна была исходить не от нас. Наша инициатива проявляется в работе. Мы работаем за своими столами, работаем по общественной линии. Мы ведем большую работу. Инициатива должна быть от вас. Почему же вы не поинтересовались нашими творениями? Может быть, мы допускаем какие-то идейные ошибки? Где же ваш контроль? Вы не читаете того, что мы пишем. Может быть, мы печатаем такие вещи, которые направлены в обратную сторону. У нас есть подстрочники, комиссии и комиссионеры, все что угодно, но у вас нет большой творческой заинтересованности в этой «маленькой республике», живущей на своей собственной субботе, своими собственными силами и своим собственным вином для благословения.

<...> Мы сильны, но из этого не значит, что нас надо оставить на произвол судьбы, потому что мы сами умеем ходить. Именно потому, что наша группа может что-то

---

¹¹ См., например: *Настольный календарь колхозника*. М., 1938. С. 213.

сделать, она должна быть взята вами на учет, чтобы максимально рационально ее использовать, а получается наоборот. Если бы мы были слабой группой с примитивной работой, вероятно, нами больше заинтересовались бы, вероятно, нашелся бы «благочестивый еврей», который был бы к нам прикреплен.

Кушниров:

Оторванность от союза в нашей работе невероятная. Мы живем изолированно, такая оторванность, такой сепаратизм очень мешают общему делу. Мы работаем, печатаем книги, а к нам проявляется самое равнодушное отношение. Мы самостоятельны, но от этой самостоятельности мы невероятно страдаем. Это очень вредно отражается на нашем творчестве. Мы делаем ту работу, которая интересует союз, а союз все-таки нами не интересуется.

Добрушин:

Здесь можно сказать о том, что мы оторваны от Украины и Белоруссии. Группы прикреплены локально к местному союзу, а мы почти никакого общения не имеем. Вот что получается. Есть разделение на украинскую, московскую и минскую еврейскую литературу. У нас нет никаких творческих встреч, никакого обмена опытом, даже, наоборот, есть известный антагонизм между отдельными группами еврейских писателей, потому что нет творческого контакта. Я думаю, что этот вопрос должен решаться здесь, во всесоюзной организации. Это тот организм, который должен нас соединить, потому что у нас нет моментов, которые бы нас связывали друг с другом организационно, а это нам необходимо¹².

***

Организмом, в конце концов соединившим территориально раздробленные группы писателей, стал Еврейский антифашистский комитет (ЕАК), формирование которого началось вскоре

---

¹² Стенограмма заседания Еврейской секции Бюро национальных комиссий от 13 февр. 1941 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Ед. хр. 553. С. 16–17, 23, 31–32).

после начала войны. Формально ЕАК, структурное подразделение созданного в первые дни войны информационно-пропагандистского ведомства (Совинформбюро), иерархически не был связан с ССП. Однако к началу войны от всей когда-то довольно разветвленной системы советских еврейских организаций остались только секции ССП, а сугубо пропагандистский характер деятельности ЕАК требовал активного участия людей, владеющих пером. К тому же руководивший работой Совинформбюро Соломон Лозовский возглавлял в 1937–1939 годы Гослитиздат и был знаком с ведущими еврейскими писателями. В начале 1943 года Бергельсон назвал ЕАК «организатором работы писателей»¹³. Благодаря ЕАК была в то время восстановлена прерванная эвакуацией работа издательства «Дер эмес»¹⁴. С 1942 года начала выходить газета «Эйникайт» («Единение»), на страницах которой находилось место и для литературных произведений. Печатались там и откровенная дезинформация, характерная для пропаганды военного времени. Например, Бергельсон утверждал (и это будет в последующие годы в разных контекстах многократно цитироваться), что советское правительство обеспечило своевременную эвакуацию 80 % еврейского населения¹⁵.

Многие московские еврейские писатели ушли на фронт. Вначале почти все они оказались во 2-й или 3-й роте 8-го полка Краснопресненской дивизии народного ополчения. Ополчение формировалось как из добровольцев, так и из тех, от кого потребовали стать добровольцем. Юрий Либединский служил под командованием 51-летнего Арона Кушнирова, переводчика на идиш первой повести Либединского «Неделя» (вышла в издательстве «Шул ун бух» в 1925 году):

Второе отделение третьего взвода, в котором нахожусь и я, еще в Москве принял Арон Кушниров. Там же стал он заниматься с нами строем и материальной частью винтовки. Молодые лейтенанты иногда поправляют его.

---

¹³ *Bergelson D. Velt-tribune far yidish-sovetishe shrayber // Eynikayt. 1943. 7 febr.*

¹⁴ *Szmeruk C. Yiddish Publications in the USSR: From the Later Thirties to 1948 // Yad Washem Studies. Jerusalem, 1961. P. 121.*

¹⁵ *Bergelson D. Der goyrl vert bashlosn // Eynikayt. 1942. 5 dets. См. также: Jews Must Answer! London, 1942. P. 14.*

Арон смущенно подергивает плечами. Невысокий, быстрый в движениях, с выражением стремительности в лице.

— В старой армии нас не так учили, — озабоченно оправдывается он.

Кушниров участвовал в «той» германской войне, отмечен георгиевскими крестами и медалями, награжден как меткий стрелок, произведен в звание ефрейтора¹⁶.

Маркиша, Квитко и Галкина руководство ССП под различными предложениями вычеркнуло из первоначального списка писателей-ополченцев. Для Квитко, например, Фадеев придумал поручение — наладить помощь эвакуированным писателям. В конце 1941 — начале 1942 года Квитко писал сценарий для фильма о расправе немцев с еврейским населением, но он остался невостребованным. Некоторых литераторов (например, Нусинова) отозвали уже из ополчения¹⁷.

Эра Росина-Друцэ, дочь поэта Самуила Росина и его жены Розы, рассказала о гибели своих родителей:

Зима в сорок первом была ранняя и крутая, холодная. С осени резко похолодало. Писатели-ополченцы — почти все пожилые люди (молодые ушли по призыву) — мерзли на восточном фронте под Вязьмой. Они ушли в ополчение защищать столицу еще в августе, когда было тепло, а теперь раздетые, голодные страдали неимоверно. <...> ...моя мама пошла в военную комиссию Союза писателей, и они быстро собрали большие посылки для ополченцев. Собирали в основном шапки, рукавицы, шарфы и еду, потому что с едой там было очень плохо.

Проблема заключалась в том, как доставить эти вещи на фронт, под Вязьму. Там шли бои, вражеские самолеты бомбили день и ночь. И тогда моя мама вызвалась сама везти эти посылки на фронт. <...> Мои бедные родители погибли вместе, в одно мгновение.

---

¹⁶ *Либединский Ю. Н.* Связь времен. М., 1962. С. 653–654.

¹⁷ *Жизнь и творчество Льва Квитко.* С. 141; *Петровский М.* Городу и миру. Киев, 1990. С. 295.

Накануне войны Росин написал пророческие строчки: «Умру я в самой гуще боя, оставшись юным навсегда»¹⁸. Среди погибших бойцов «писательских рот» были Арон Гурштейн, Меир Винер и Самуил Годинер. Потом тех, кто после первых боев остался в живых, война разбросала по разным воинским частям, редакциям фронтовых газет¹⁹. В спектакле Театра на Таганке «Павшие и живые» режиссер Юрий Любимов включил эпизод о солдатских буднях Гурштейна, описанных работавшим до войны в «Детгизе» писателем Михаилом Гершензоном, племянником Михаила Осиповича Гершензона, председателя Всероссийского союза писателей в ранние советские годы. Как и Гурштейн, Михаил Гершензон не вернулся с войны. Гершензон писал и о встрече с Кушниковым в январе 1942 года: «Ему лет 50, совсем седенький, маленький. Вместо еврейских стихов пишет всю войну передовицы в дивизионной газете, создает фронтовой юмор, который сразу становится фольклором, вроде: “Глуши немца матом и автоматом” или “Русский говорит гут, когда немцы бе-гут”»²⁰.

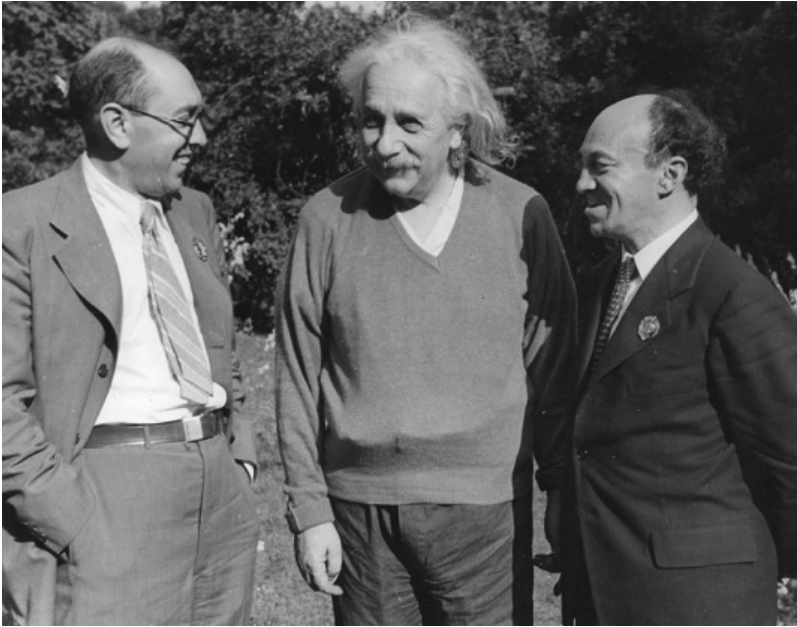
Самуил Росин

Самым ярким событием в деятельности ЕАК стала зарубежная поездка Михоэлса и Фефера. Из Москвы в Америку они добирались в течение сорока дней через Тегеран, Каир, Хартум и Аккру. В США их принимал Комитет еврейских писателей

¹⁸ *Странники войны*. С. 112, 262.

¹⁹ Рунин Б. Записки случайно уцелевшего. М., 2010. С. 109–110. См. также: Маркиш Э. Столь долгое возвращение. С. 139; Громова Н. Распад. Судьба советского критика: 40–50-е годы. М., 2009. С. 246.

²⁰ *Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны: В 2 кн.* М., 1966. Кн. 2. С. 73–77, 100; *Обратный отсчет времени*. М., 2006. С. 132.

Ицк Фефер (слева) и Соломон Михоэлс в гостях у Альберта Эйнштейна

и художников, во главе которого стояли Альберт Эйнштейн и Шолом Аш, в недавнем прошлом именуемый «фашистом» в советских публикациях. В 1943 году Аш уже характеризовался как «выдающийся писатель», а вот «Форвертс» и другие американские еврейские социалистические организации описывались как «троцкистско-меньшевистские вороны», которые «каркали, предвещая поражение Красной армии»²¹. Это было неправдой, так как «Форвертс» всегда желала победы Красной армии, но это совсем не придавало ее редакторам и близким им социалистическим деятелям веры в то, что Михоэлс и Фефер представляли советское еврейство, и потому газета бойкотировала и даже высмеивала эту делегацию. Раздражало также нежелание представителей ЕАК серьезно обсудить проблемы еврейской жизни

---

²¹ Михоэлс С. М. Статьи, беседы, речи. С. 259–260.

Ицик Фефер и Соломон Михоэлс с американским певцом Полом Робсоном

в СССР. Зачастую они переводили разговор на другую тему или просто отшучивались. «Форвертс» писала о Михоэлсе: «Он замечательный оратор. И еще одна замечательная особенность: он обладает талантом говорить и при этом ничего не сказать. Он говорит красиво, образно, но начинаешь думать, что же он сказал, и приходишь к выводу, что ничего»²². При этом также отмечалось, что благодаря артистическому таланту Михоэлса аудитория ощущала сильное эмоциональное воздействие на его выступлениях²³.

О Биробиджане нью-йоркцы услышали от Фефера анекдот, призванный проиллюстрировать тот факт, что советские евреи стали сильнее казаков:

---

²² Vos s'iz forgekumen ba der bagegenish tsvishn yidishe shrayber un der yidish-sovetsisher delegatsye // Forverts. 1943. 16 yuli.

²³ Rawitch M. Mayn leksikon. Tel Aviv, 1982. Bd. 4. 2. Z. 96.

Мне рассказали, что турист из Аргентины приехал в Биробиджан и разговорился там с одним из еврейских переселенцев.

— Как дела? — спросил он переселенца.

— Очень хорошо, — ответил биробиджанский еврей.

— А с кем вы живете по соседству? — поинтересовался аргентинец.

— С казаками.

— С казаками?

— Да, — подтвердил биробиджанец, — но мы их не обижаем.

Тема казачьей еврейской доблести была довольно популярной в публикациях ЕАК. Так, журналист Мойни Шульман представил читателям «Эйникайт» полковника Хаима (Ефима) Попова, командира 31-го кубанского гвардейского полка. Правда, еврейская составляющая очерка начиналась и заканчивалась именем героя и не играла никакой роли в очерке «Казачий полковник Хаим Попов». Подробнее описано еврейское происхождение командира кавалерийской дивизии, а позже и кавалерийского корпуса генерала Владимира Цетлина. Самуил Персов, автор очерка «Прославленный кавалерист», сообщил читателям, что Цетлин, родившийся в Одессе в семье еврейских рабочих, не научился говорить на идише.

Характерно, что стихи «Зог нит кейнмол...» («Никогда не говори...»), ставшие известными как «Гимн еврейских партизан», были написаны Гиршем Гликом в виленском гетто на мелодию популярной советской песни братьев Дмитрия и Даниила Покрассов «То не тучи — грозовые облака» (из кинофильма «Я — сын трудового народа», 1938) на слова поэта Алексея Суркова, которая прославляет советское казачество:

...Едут с песней молодые казаки
В Красной армии республике служить. <...>
Красный маршал Ворошилов, погляди
На казачьи богатырские полки²⁴.

---

²⁴ См., например: *Русские советские песни*. М., 1952. С. 78.

Дер Нистер, которого принято считать одним из наименее конформистских советских еврейских писателей, включил казачий мотив в свою новеллу «Флора» (1946). В заключительной сцене празднования победы в мае 1945 года еврейские партизаны танцуют казачий танец на приеме в «еврейской организации», видимо ЕАК. Бывший символист, ставший практикующим соцреалистом, именно в казачьей пляске увидел олицетворение советского еврейского героизма.

Споры вызвала национальность генерала Льва Доватора, командовавшего кавалерийским корпусом. Многие считали его евреем, об этом, например, в 1960-е годы писал Семен (Соломон) Рабинович в изданиях Агентства печати «Новости»²⁵, хотя израильский историк Арон Абрамович, изучавший вопрос участия евреев в Красной армии, был убежден, что Доватор родился в семье белорусских крестьян. Так или иначе, но легенда о героическом еврейском генерале появилась вскоре после (или даже до) его гибели в декабре 1941 года. Перец Маркиш написал на идише поэму «Баллада о воинстве Доватора»; на русский язык ее перевел Лев Озеров. В начале 1942 года Михоэлс объявил, что его театр, находившийся в то время в эвакуации в Ташкенте, запланировал поставить спектакль о «советском еврейском генерале» Доваторе. В феврале 1943 года советское посольство в Вашингтоне цитировало Михоэлса: «Известный советский драматург Давид Бергельсон пишет для нас пьесу о талантливом еврейском генерале-кавалеристе Льве Доваторе, прославившем свое имя в этой войне»²⁶. На самом деле, Бергельсон если даже начинал что-то писать на эту тему, то эта работа осталась незавершенной.

К тому времени, когда Михоэлс и Фефер сделали остановку в Великобритании на обратном пути из Америки, стало известно о решении советского руководства в октябре 1943 года учредить Орден Богдана Хмельницкого и переименовать Переяслав, где не только состоялась Переяславская Рада, скрепившая союз России и Украины, но и, в частности, родился Шолом-Алейхем,

---

²⁵ *Rabinovich S. Jews in the Soviet Union. M., 1967. P. 51.*

²⁶ *Soviet Art in Wartime: Information Bulletin. Special Supplement. Washington D. C., 1943. P. 48.*

в Переяслав-Хмельницкий. Лондонская *Jewish Chronicle* писала в своем комментарии по поводу этого решения:

Этот человек, Хмельницкий, был казачьим гетманом в XVII веке, и под его руководством казаки убили 300 тысяч или даже больше украинских евреев. Вполне естественно, что евреи болезненно воспринимают придание ему статуса патриота или героя, чья деятельность должна вдохновлять всех русских. Неудивительно, что вопросы на эту тему были заданы двум выдающимся представителям Еврейского антифашистского комитета²⁷.

Отшутиться в этот раз не удалось, да и серьезный ответ — о том, что Хмельницкий был прежде всего руководителем украинских народных масс, восставших против польского владычества, — не удовлетворил *Jewish Chronicle*. Газета выразила надежду, что евреи не понесут такую обиду, как награждение новым орденом. На самом деле, только в каких-то случаях, требующих дополнительной верификации, награда воспринималась офицерами и генералами еврейского происхождения как обида. Специально или случайно одним из первых кавалеров Ордена Богдана Хмельницкого стал подполковник Иосиф Каплун. Среди евреев, награжденных этим орденом, были Герои Советского Союза генерал армии Яков Крейзер, генерал-полковник Леонтий Котляр и генерал-лейтенант Матвей Вайнруб. Через четверть века после революции историческая память советских евреев о Хмельничине оказалась стертой или радикально измененной, не говоря уже о том, что орден был довольно экзотический и как таковой особенно почетный. Учреждался он без всякого «еврейского контекста», да и при награждении вряд ли кому-то в голову приходили исторические ассоциации²⁸.

---

²⁷ *A Cossack "Hero"* // *Jewish Chronicle*. 1943. 5 Nov. P. 10. О масштабе еврейской трагедии времен Хмельницкого см.: *Stampfer S. What Actually Happened to the Jews of Ukraine in 1648?* // *Jewish History*. 2003. 17. N 2. P. 207–227.

²⁸ См.: *Эстрайх Г.* Советская казацко-еврейская доблесть в жизни и литературе // СССР во Второй мировой войне: Оккупация. Холокост. Сталинизм / ред. и сост. О. В. Будницкий, Л. Г. Новикова. М., 2014. С. 325–327.

***

Шмуэль Нигер, внимательно читавший издания ЕАК, пришел к выводу, что в годы войны с немецким фашизмом советская еврейская литература «изменила не свое лицо, а выражение своего лица», так как задача этой литературы

с самого начала заключалась в переводе, повторении или переживании на идише общесоветского [литературного. — Г. Э.] слова; это и сейчас [в годы войны. — Г. Э.] ее задача. В этом отношении совершенно ничего не изменилось. Она не стала самостоятельной. Именно поэтому она перенимает более или менее автоматически все изменения в общей советской литературе. Будучи ее верным эхом, она дает нам возможность услышать на идише если не все, то хотя бы значительную часть тех новых голосов и мотивов, которые наполняют русско-советскую, украинско-советскую и другие национально-советские литературы.

Результаты получают те же, что и там²⁹.

В значительной степени Нигер был, несомненно, прав, так как советская литературная индустрия работала по общим шаблонам социалистического содержания, допуская некоторую вольность в выборе национальной формы, что порой принимало просто форму сочинения на заданную тему (как это было, например, в повторявшемся в 1930-е годы сюжете о Беломорканале в пьесе Николая Погодина и рассказах Михася Лынькова и Хайма Гильдина)³⁰. Прав он был и в том, что заметил изменение «выражения лица». Многие писатели верили, что своей преданностью стране, партии и лично Сталину они заслужили большего доверия. Как сказал драматург Всеволод Вишневский на пленуме ССП в 1945 году: «Мы воевали, мы боролись, дайте нам свободу слова»³¹. При этом у советской еврейской литературы оставалась не заимствованная из общих советских шаблонов особенность, которую Нигер в другой своей статье назвал «нео-Гасколой», что

---

²⁹ *Niger S. Yidishe shrayber in sovet-Rusland. Z. 421–422.*

³⁰ См.: *Estrai kh G. In Harness. P. 158–160.*

³¹ *Власть и художественная интеллигенция. 1917–1953 / сост. А. Н. Артизов, В. П. Наумов. М., 2002. С. 545.*

было, по сути дела, уже упоминавшейся (см. главу 3, с. 92) склонностью к (нео)-yahudimshe восприятию мира. В стихах Маркиша, написанных в годы войны, Нигер услышал следующий мотив:

Ты, еврей, был смелым солдатом, вместе со всеми ты принес жертвы на жертвенник дорогого отечества, и тем самым ты заслуживаешь равноправия. Будь же смелым, ты, «еврей-воин» [«Еврею-воину» — название стихотворения Маркиша, впервые напечатанного в «Эйникайт» 31 августа 1943 года. — Г. Э.], будь Человеком, тогда ты сможешь сидеть в одном шатре (*сукке*) с другими равноправными людьми³².

Этого мотива, судя по всему, не услышал или не посчитал его важным Ицхак Янасович, еврейский писатель из Польши, живший в годы войны в СССР и лично знавший Маркиша:

Война, рост русского национализма, страдания евреев и, главное, вновь проявивший себя антисемитизм в России оказывали, конечно, большое влияние на Маркиша. Нельзя забывать, что это было время, когда немного ослабили кольцо, которое сдавливало еврейский национализм, и Перец Маркиш вместе с другими еврейскими писателями, а возможно, и больше других еврейских писателей, за исключением Дер Нистера, пережили что-то вроде новой весны национального пробуждения и нового вихря горячих чувств преданности и любви к еврейскому народу и его прошлому.

Однако Маркиш в своем национальном подъеме шел намного дальше, чем это было официально разрешено³³.

Трудно сказать, каким образом можно было выставить объективную оценку национальному подъему того или иного писателя. Чем, скажем, Бергельсон или Фефер были менее национальными в это время? Тем более что все они проходили тот же бескомпромиссный редакторско-цензорский фильтр газеты «Эйникайт» или другого советского издания, где редакторы

³² *Niger S. Yidishe shrayber in sovet-Rusland. Z. 172–188, 256.*

³³ *Yanacowicz I. Mit yidishe shrayber in Rusland. Z. 314.*

и цензоры отдавали себе отчет, что было и что не было официально разрешено. На самом деле, превышение «официально разрешенного» национального подъема замечали обычно советские недоброжелатели (они находили национализм у Маркиша еще до начала войны)³⁴ и зарубежные доброжелатели. Например, американский еврейский поэт и эссеист Яков Глатштейн был рад тому, что Маркиш «доводил свою поэзию до [уровня. — Г. Э.] нашего обычного мело-национального призыва»³⁵. Нахман Майзель, живший с конца 1937 года в Нью-Йорке, писал, что Маркиш своим творчеством убедительнее всего опровергал наветы о якобы ненациональном характере советской еврейской литературы³⁶.

Эренбург утверждал, что в Маркише не было «и тени национализма, даже национализма мышки, которая знает, что над половицей потягиваются кошки. Если нужно привести пример интернационализма, то можно свободно назвать Маркиша»³⁷. А Всеволоду Иванову из разговора с Маркишем «стали ясны истоки того пламенного и широкого пролетарского интернационализма, который был так свойственен произведениям Переца Маркиша»³⁸. Напрашивается параллель с украинским кинорежиссером Александром Довженко, членом Всеславянского комитета, созданного по тем же лекалам, что и ЕАК. Во время войны Довженко обвиняли в национализме, и он записал тогда в дневнике: «Не буржуазный я и не националист, и ничего, кроме добра, счастья и победы, не желал и русскому народу, и партии, и Сталину, и братство народов считал своим идеалом»³⁹. Как и Довженко, говоривший о необходимости создания украинских подразделений в Красной армии, Маркиш с осторожным одобре-

---

³⁴ *Shneer D.* Rivers of Blood: Peretz Markish, the Holocaust, and Jewish Vengeance // *A Captive of the Dawn: The Life and Work of Peretz Markish* / ed. by J. Sherman et al. Oxford, 2011. P. 150.

³⁵ *Glatstein J.* In tokh genumen. Nyu-york, 1947. Z. 38.

³⁶ *Mayzel N.* Dos yidishe shafn un der yidisher shrayber in sovetnfarband. Nyu-york, 1959. Z. 252.

³⁷ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь: В 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 457–458.

³⁸ *Иванов Вс.* Собрание сочинений: В 8 т. М., 1960. Т. 8. С. 462.

³⁹ *Каковкина О. Н.* Идея славянского единства и Украина на страницах журнала «Славяне» // Вопросы германской истории / ред. С. И. Бобылев. Днепропетровск, 2008. С. 159.

нием рассказывал о желании создать отдельные еврейские подразделения:

Полковник из одного танкового соединения подошел ко мне некоторое время назад. «Я еврей, — сказал он, — и хотел бы сражаться как еврей. Я бы хотел выйти к соответствующим властям с предложением сформировать отдельные еврейские соединения...» Это, конечно, романтизм, но это и настроения. <...>

Тогда я спросил его: «Каковой вы видите эффективность подобных соединений?» И он ответил: «Величайшей. Еврейские солдаты стоят перед лицом одной возможности: убить врага или погибнуть»⁴⁰.

Так Маркиш высказался в феврале 1943 года, выступая на пленуме ЕАК. Отношения с руководством комитета у него были сложные, хотя он и входил в президиум. Маркиш явно чувствовал себя неуютно в одной компании с Фефером, оттеснившим его от руководства еврейскими писателями в ССП, да и с некоторыми другими коллегами, особенно с Бергельсоном, отношения всегда были непростыми. В 1944 году он даже написал докладную записку (по сути дела, донос) о «национализме» и «контрреволюционной деятельности» руководства ЕАК. Показательно, что и в аппарате ЦК Маркиша видели вне той группы писателей, которая входила в руководство ЕАК. В марте 1948 года кадровики ЦК предлагали «оздоровить» ЕАК путем вывода из президиума Фефера, Бергельсона и еще нескольких человек. По мнению кадровиков, Маркиш такому оздоровлению не мешал⁴¹.

Однако конфликт с другими писателями не означал, что между ними не было принципиального согласия в вопросах подхода к изображению событий войны. Для всех было важно показать героический вклад евреев в победу над врагом. В августе 1945 года, когда Маркиш писал своему американскому другу Опатошу, он излагал в значительной степени коллективное отношение к актуальным задачам еврейской литературы:

⁴⁰ *Редлих Ш., Костырченко Г.* Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948. М., 1996. С. 72.

⁴¹ Там же. С. 165, 350; *Soviet Culture and Power: A History in Documents, 1917–1953* / ed. by K. Clark et al. New Haven, 2007. P. 363.

Сейчас наступило время, когда наша литература должна сказать свое слово, дать не просто описание, но осознание [того, что произошло. — Г. Э.] и таким образом испытать дух нашего несчастного народа. <...>

Наша литература должна сейчас подвести итог, заново оценить понятие *кидуш-гашем* [гибели во славу бога. — Г. Э.] как вечной национальной категории, которая фактически помогла фашизму уничтожить наш народ.

В этой войне родился еврейский воин, еврейский партизан, которые своей кровью доказали свое право переоценить «подарки» Переца. [В рассказе И. Л. Переца «Три подарка» евреи готовы пожертвовать своей жизнью во имя ценностей традиционной еврейской жизни. — Г. Э.]⁴².

Между тем кто-то из коллег Маркиша дал негативную экспертную оценку его военной поэзии. Драматург Александр Борщаговский, читавший следственные материалы ЕАК, отмечал: «Следствию нечего было “повесить” на Маркиша в связи с ЕАК, кроме туманных обвинений в национализме, благо Фефер и Эпштейн находили национализм едва ли не в каждой строке Переца Маркиша»⁴³. 29 декабря 1946 года заведующий отделом кадров печати Управления кадров ЦК ВКП(б) М. И. Щербаков пожаловался секретарю ЦК А. А. Кузнецову на журнал «Советская книга» № 8–9 за 1946 год, где была «напечатана рецензия профессора Нусинова на книгу стихов Переца Маркиша, выпущенную Гослитиздатом на русском языке. Между тем ряд произведений Маркиша, в том числе и упоминаемая Нусиновым “Война”, имеют националистическую и религиозную окраску»⁴⁴.

Однако из-за междоусобицы в коридорах власти Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) не могло согласиться с мнением кадровика. Слово ознакомившись с авторитетным мнением Нигера, Агитпроп пришел к заключению, что

утверждение о религиозно-националистической окраске, якобы присущей творчеству Переца Маркиша, неправильно. Наоборот, в его произведениях ярко отразились идеи

---

⁴² *Briv fun yidishe sovetishe shraybers*. Z. 331.

⁴³ Борщаговский А. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 295.

⁴⁴ Там же.

братской дружбы народов нашей страны <...>. Обращаясь к еврейскому вопросу, Перец Маркиш пишет:

Одна у братьев мать, и родина одна.
И, умирая, ты сжимаешь верный меч
И землю русскую целуешь по-сыновьи,
Костью готовый за Россию лечь⁴⁵.

Мы не знаем, на чье экспертное заключение опирались функционеры Агитпропа. Не исключено, что это был тот же Нусинов, атаки на которого начнутся только через полгода, а еще через два года он, уже заклеянный как безродный космополит, будет заточен в тюрьму и умрет там 31 октября 1950 года от «опухоли твердой оболочки мозга»⁴⁶.

«Поэма о Сталине» Маркиша вышла отдельным изданием в 1940 году, и в послевоенные годы он попробует вернуться к образу вождя. В апреле 1947 года Маркиш читал в Минске коллективу местного ГОСЕТа свою новую пьесу «Москва. 1941 год», в которой Сталин предстал великим стратегом. Однако театр не рискнул взяться за такую постановку⁴⁷. Роль вождя-стратега отводилась Сталину и в предварительном варианте поэмы «Война» (в переводе Лидии Руст (псевдоним Екатерины Тарловской)):

...В командный пункт тогда
Преобразился Кремль, и, славных дел порукой,
Дыханье Сталина струилось в провода...
Из трубки донеслось: — У аппарата Жуков!
— Да! Сталин говорит! — послышалось ответно.
И, расчищая путь для голоса его,
Дыханье затаив, к земле припали ветры...
— Что слышно нового? Снабжение каково?
Красноармейцы как? Бодры? Тепло одеты? —
Слова текли на фронт и в дальней, дымной мгле
Прощупывали все прожекторами света.

---

⁴⁵ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991. СПб., 1996. С. 98–99.

⁴⁶ Костырченко Г. Тайная политика Сталина. С. 480.

⁴⁷ Altshuler M. The Agony and Liquidation of the Jewish State Theater in Belorussia (1948–1949) // Jews in Eastern Europe. 1994. N 3. P. 65.

— Подробней обо всем доложите в Кремле! —
А в законной мгле гудел бессонный город..
И трудных, длительных, ночных раздумий нить
Вдруг обрела упор в решеньи гордом:
— Эвакуацию заводов — прекратить! —
По линии боев скользнул он полукружной,
И новый замысел обрел и вес и плоть:
— Отходный путь врагу закрыть по флангам нужно
И изнутри его, зажатого, молоть!

По указанию секретариата Сталина в декабре 1947 года этот фрагмент был вычеркнут, так как «автор неправоммерно придал речи товарища Сталина крайне выпященный, ложно-патетический характер». Ранее, в сентябре 1947 года, была забракована драматическая поэма Кушнирова «Обыкновенный человек», изображавшая период сибирской ссылки Сталина. В качестве причины указывалось, что «центральный образ очерчен схематично и необедительно»⁴⁸.

***

К концу и после войны Москва притянула к себе большинство уцелевших представителей еврейской литературной среды, главными работодателями для них стали ЕАК, его газета «Эйникайт», а также издательство «Дер эмес» и ГОСЕТ. В Москве поселился, например, живший до войны в Киеве Фефер, и Дер Нистер не вернулся из эвакуации в Харьков, а осел в столице. Моисей Бродерзон, активный участник еврейской культурной жизни в Москве в 1916–1918 годах, позже уехавший в Польшу, стал в годы Второй мировой войны советским писателем, работал в ГОСЕТе. В апреле 1944 года из партизанского отряда самолетом был доставлен в Москву Абрам Суцкевер, участник сопротивления в вильнюсском гетто, а до войны поэт связанной с польским коммунистическим движением группы «Юнг Вильне» («Молодой Вильно»). Эренбург рассказал о поэте — герое

---

⁴⁸ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / сост. Л. В. Максименков. М., 2005. 584–587.